

Владимир Сомов

За столом у Сталина: традиция кремлёвских приёмов*

Vladimir Somov

(State Pedagogical University of Nizhny Novgorod, Russia)

At Stalin's table: the tradition of Kremlin receptions

DOI: 10.31857/S0869568722010277

Несмотря на огромное количество исследований жизни и деятельности И.В. Сталина, такие аспекты как застольная практика «обитателей» Кремля, а главное — её влияние на жизнь страны, во многом остаются не до конца освещёнными. Решить эту задачу призваны три содержательные книги российского историка В.А. Невежина. Они являются результатом кропотливого труда в нескольких архивах (ГА РФ, РГАСПИ, РГАЛИ), скрупулёзного анализа источников, сопоставления фактов и беспристрастной оценки исследуемых событий. Автору удалось создать научное произведение, которое выгодно отличает его от многочисленных, в том числе спекулятивных и провокационных, попыток выразить «оригинальный» взгляд на личность Сталина и эпоху 1930–1940-х гг.

В первой книге Невежин ставит вопрос о зарождении и развитии традиции кремлевских приёмов. Застолья являлись «своеобразной моделирующей структурой, отражающей значимые черты политического со-

общества (“команды”» (I, с. 47). Исследование такой, почти интимной, стороны функционирования власти позволяет увидеть черты характера лидеров государства и всей советской общественно-политической системы. Застолья в Кремле выполняли функцию своеобразного поощрения выдающихся представителей разных (в первую очередь военных) профессий и в какой-то мере стимулировали профессиональный рост. Как отмечает автор, благодаря освещению в прессе эти многолюдные приёмы становились методом политической рекламы (I, с. 109). Интересна и оригинальна попытка Невежина проанализировать ролевые функции участников торжеств. В монографии приводятся подробные характеристики каждого из близких к Сталину «видных партийных и государственных функционеров (членов Политбюро и Оргбюро)», а также гостей и артистов, приглашавшихся на праздничные концерты (I, с. 134).

В первой книге подробно рассматриваются церемониал и этикет крем-

---

* *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлёвские приемы 1930-х – 1940-х гг. М.: Новый хронограф, 2011. 560 с. (I); *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. Книга вторая. Обеды и ужины в узком кругу («симпозионы»). М.: АИРО-XXI, 2019. 528 с. (II); *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. Книга третья. Дипломатические приёмы 1939–1945 гг. М.: АИРО-XXI, 2020. 768 с. (III).

лёвских приёмов, костюмы, блюда и напитки, столовые приборы. Большое внимание обращено на застольные речи хозяина мероприятий¹. Хотя это далеко не первый подобный опыт автора², анализ выступлений Сталина по-новому освещает его личность. Отметим, что выводы основаны на беспристрастном анализе документов, большинство из которых впервые введены в научный оборот.

Особое место в монографии занимает знаменитая речь Сталина «За здоровье русского народа», произнесённая 24 мая 1945 г. и до сих пор привлекающая внимание исследователей. Именно Невежину удалось обнаружить стенографическую запись речи и сравнить её с текстом, опубликованным в советской прессе. По мнению автора, упоминание в выступлении «ошибок за поражения 1941–1942 гг.» говорит о том, что верховный главнокомандующий «постарался не выказать своей вины..., а переложить её на Советское правительство» (I, с. 365). С этим мнением трудно спорить, хотя и принять его можно лишь как определённое допущение, гипотезу. Слова о русском народе следует рассматривать как попытку вождя «не вспоминать» случаи паники и дезорганизации населения в Москве и других прифронтовых городах осенью 1941 г.

Торжественные застолья в Кремле Невежин относит к разряду «мероприятий государственного масштаба, сыгравших решающую роль *не только* в деле укрепления личной власти Сталина, *но и для активизации процесса консолидации вокруг вождя политической, военной, экономической и интеллектуальной элиты советского общества* (курсив мой. — В.С.)» (I, с. 384). Именно эта цель являлась основополагающей в преддверии войны, победа в которой во многом была обусловлена наличием политического единства народа и власти.

Вторая книга посвящена застольям «узкого круга» сталинских соратников. Отмечены личностные характеристики участников как «больших кремлёвских приёмов», так и «симпозионов» — обедов и ужинов, организованных по инициативе Сталина. Автор учитывает противоречивость источников личного происхождения: далеко не всегда даже их скрупулёзное сопоставление способствует пониманию исторической реальности. Интересны материалы, связанные с дискуссией о введении государственной винной монополии и кампанией по борьбе с пьянством, а также документы, свидетельствующие о личных пристрастиях членов Политбюро в выборе спиртных напитков. Невежин отмечает, что если кремлёвские приёмы были в большей степени актом символического единства «народа и партии», то «за бутылкой вина» руководители государства обсуждали в основном «текущие дела» (II, с. 98). В этих застольях заключался вполне определённый политический подтекст: «Сталин, имевший собственную “застольную компанию” (в лице Ворошилова, Кагановича, Микояна, Орджоникидзе и других ближайших соратников), скорее всего, подобно Троцкому, с недоверием и опаской относился к тому, что другие представители большевистского руководства и партийно-государственной номенклатуры сепаратно от него устраивают попойки с “перемыванием косточек” отсутствующих. Содержание бесед, которые велись в других “питейных компаниях”, вождь и его ближайшее окружение воспринимали с большим подозрением» (II, с. 113).

Автор приводит многочисленные данные о времени и месте проведения застольных мероприятий в «узком кругу». Интересны такие аспекты, как состав участников мероприятий, описание употребляемых ими блюд

и напитков, особенности поведения «в гостях у вождя», специфика развлечений. Сталин относился к обедам и ужинам как к продолжению политической и партийно-организационной деятельности, как к своеобразной «вербовке» сторонников и проверке противников. Неслучайно он негативно реагировал на отказ от совместного ужина, даже под предлогом рабочей занятости.

В данном контексте самое интересное для читателя — реконструкция застольного дискурса, который более походил на монолог «отца отечества», нежели на общение равных. Это проявилось, в частности, в умении Сталина «путём словесной эквилибристики перекладывать на других вину за те недостатки и упущения, за которые он и сам нёс солидную долю ответственности» (II, с. 369). Во время застолий он старался создать и поддержать мифологизированный образ «гениального и непогрешимого вождя» (II, с. 371), что, впрочем, не противоречило принципам и духу политического администрирования в тоталитарной системе.

Третья книга цикла посвящена исследованию сталинского политического дискурса, связанного с дипломатическими приёмами в 1939–1945 гг. Очевидно, в ходе этих застолий лидер Советского государства чувствовал себя несколько свободнее, чем в «узком кругу», что и отразилось на характере общения. «Непринуждённая атмосфера, — пишет Невежин, — располагала к большей открытости аудитории, а самого Сталина — к таким откровенным высказываниям, которые были невозможны в других случаях» (III, с. 24). Первая и вторая главы посвящены анализу формирования советской традиции дружеских обедов в честь представителей иностранных государств в 1920–1940-х гг. В годы Великой Отечественной войны

их проведение напрямую зависело от успешности реализации дипломатических усилий Москвы.

Особое место в третьей книге занимают взаимоотношения советской дипломатии и представителей польского правительства в изгнании, которое с конца сентября 1939 г. возглавлял В. Сикорский. Специфика этих отношений определялась не только ролью СССР в расчленении территории Польши в 1939 г., но и тем, что с лета 1941 г. именно Советский Союз представлялся главным противником гитлеровской Германии и олицетворял собой надежду на скорейшее восстановление польской государственности. Сикорский «занимал антисоветскую позицию, однако под влиянием драматических событий лета 1941 г. был вынужден пойти на сближение с Москвой» (III, с. 94). Автор обращает внимание на глубокий символизм неофициального приёма польской делегации в начале декабря 1941 г. Несмотря на то что польская сторона не получила ответы на все интересовавшие её вопросы, переговоры завершились 4 декабря торжественным обедом в Кремле (III, с. 96). Была составлена особая «Программа пребывания Сикорского в Советском Союзе» и подробные характеристики участников визита (III, с. 140). Генерал Сикорский, в честь которого открывался обед, расположился по правую руку от Сталина (III, с. 256). За главу польской делегации прозвучал и первый тост (III, с. 372).

Собственно «застольный» дискурс большой дипломатии подробно рассмотрен Невежиным в пятой главе третьей книги. Её основное содержание составляет анализ оценок, которые давались в сталинских застольных речах семи союзным СССР государствам, их народам и лидерам (III, с. 347). Интересна авторская интерпретация советско-британских тор-

жественных приёмов. Так, на первом официальном застолье в честь У. Черчилля (14 августа 1942 г.) «советский лидер одержал своеобразную психологическую победу над британским премьером, не только “обойдя” его своей здравницей, как это было принято по этикету, но и заставив признать вину за прежние антисоветские действия» (III, с. 364).

Особенно примечательны содержащиеся в книге монологи и выступления Сталина, поскольку они отражают его стремление исходить из интересов СССР не только в деле разгрома Германии, но и послевоенного устройства. Невежин отмечает, что в годы войны дипломатические приёмы «сыграли большую роль в деле достижения взаимопонимания между союзниками по антигитлеровской коалиции и укрепления позиций СССР на международной арене» (III, с. 418). Думается, что этим можно оправдать некоторые незначительные отступления от протокола.

Многообразие источниковой базы исследования должно, казалось бы, дать ответы на самые актуальные вопросы относительно личности вождя, но автор намеренно ограничивается лишь «выявлением... штрихов» его «словесного автопортрета» (II, с. 68). Третья книга позволяет «более глубоко и всесторонне проанализировать его (Сталина. — В.С.) субъективные черты как публичного политика с присущими ему привычками, достоинствами и недостатками, симпатиями и антипатиями, в том числе — в отношении иностранцев» (III, с. 25). В монографии содержится в основном описание внешности и манеры говорить, держаться с собеседниками. В меньшей степени представлены характеристики личности, что, впрочем, не мешает за-

интересованным читателям сформировать *своё* видение этой проблемы.

В условиях, когда научное знание противостоит политической ангажированности и художественному вымыслу, книги Невежина приобретают особую ценность. Сегодня как никогда нужны исследования, позволяющие серьёзно дополнить (или даже переосмыслить) существующие оценки советской истории, часто страдающие схематичностью, искажённостью и некомпетентностью. Автор, «основываясь на постулатах классического источниковедения» (II, с. 350), старается дистанцироваться от оценок и «вскрытия причин» феномена сталинизма, подробно описывая лишь одну из его сторон. Такая «субъективная беспристрастность» (выражение А.А. Зиновьева) делает рецензируемые монографии действительно значимым научным трудом.

Примечания

¹ Речь идёт о выступлениях 22 апреля 1941 г. на приёме участников декады таджикского искусства и 5 мая 1941 г. на торжественном мероприятии по случаю выпуска слушателей военных академий РККА, а также о знаменитом тосте «За русский народ!», провозглашённом 24 мая 1945 г.

² См., например: *Невежин В.А.* Большие кремлёвские приёмы Сталина (1930-е — начало 1940-х гг.) // *Отечественная история.* 2005. № 3. С. 56–70; № 4. С. 123–139; *Невежин В.А.* Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007; *Невежин В.А.* Тамада для союзников: тосты и здравницы И.В. Сталина на дипломатических приёмах в Кремле 1941–1945 годов // *Исторические записки.* 2016. Вып. 16(134). С. 39–54; *Невежин В.А.* Дипломатические приёмы И.В. Сталина 1941–1945 гг.: кремлёвский протокол и особая кухня // *Российская история.* 2017. № 2. С. 139–153; *Невежин В.А.* Отпускник Сталин: лечение и отдых на Кавказе в 1920-е годы // *Исторический вестник.* 2019. Т. 28. С. 42–71.